

ИНТРОДУКТОРЫ МЫСЛИ В КОНСТРУКЦИЯХ ПЕРЕДАННОЙ РЕЧИ В ИТАЛЬЯНСКОМ И РУССКОМ НАРРАТИВЕ

Е. С. Борисова

Московский государственный лингвистический университет

THOUGHT INTRODUCERS IN THE CONSTRUCTIONS OF TRANSMITTED SPEECH IN THE ITALIAN AND RUSSIAN NARRATIVES

E. S. Borisova

Moscow State Linguistic University

Аннотация: в данной статье на материале романа Дж. Бассани «*Il giardino dei Finzi-Contini*» (нарратив от 1-го лица) и Л. Улицкой «*Лестница Якова*» (нарратив от 3-го лица) и их переводов, соответственно, на русский и итальянский языки рассматриваются интродукторы переданной речи, вводящие мысли персонажа. Сравнительно-сопоставительный анализ языка оригинала и перевода нацелен на выделение лексико-семантических и синтаксических особенностей, влияющих на восприятие итальянским и русским читателем конструкций переданной речи, выраженных в художественном тексте прямым, косвенным и несобственно-прямым способом. Определение степени воздействия интродукторов на читателя в разных режимах интерпретации эгоцентрических единиц в контексте традиционного нарратива и свободного косвенного дискурса, который характеризуется широким использованием несобственно-прямой речи, является не только ключом к выделению говорящего или мыслящего субъекта в полифонически организованном пространстве текста, но и указанием на некоторые типологические несоответствия, которые следует учитывать при изучении итальянского и русского языков и при переводе с них. Помимо ментальных глаголов и их позиции по отношению к вводимому высказыванию, будут проанализированы предикаты внутреннего временного состояния, перцептивные глаголы, возвратные речевые глаголы, акциональные глаголы, в которых действие совмещается с указанием на внутреннее состояние, – все они, комментируя слова персонажа, тем или иным образом имеют связь с ментальной семантикой и помогают читателю определить субъект переданной мысли в тексте.

Ключевые слова: интродукторы мысли, художественный нарратив, итальянский и русский тексты, переданная речь, несобственно-прямая речь, семантика.

Abstract: this article is based on the novel by J. Bassani's «*Il giardino dei Finzi-Contini*» (the 1st person narrative) and L. Ulitskaya's «*Jacob's Ladder*» (the 3rd person narrative) and their translations, respectively, into Russian and Italian. It considers the means of transmitting a character's speech in the narration, introducing the thoughts of the character. Comparative analysis of the original language and the translation is aimed at identifying lexical, semantic and syntactic features that affect the perception of the Italian and Russian readers of the structures of transmitted speech expressed in the literary text in a direct, indirect and free indirect way. Determining the degree of influence of introducers on the reader in different modes of interpretation of egocentric elements in the context of traditional narrative and free indirect discourse, which is characterized by the widespread use of free indirect speech, is not only the key to identifying the speaker or thinking subject in the polyphonically organized space of the text, but also an indication of some typological inconsistencies that should be taken into account when learning these languages and when translating from them. In addition to mental verbs and their positions in relation to the introduced utterance, the author analyzes predicates of the internal temporal state, perceptive predicates, reflexive speech verbs, and actional verbs in which the action is combined with an indica-

tion of the internal state will be analyzed. All of them, commenting on the words of the character, in one way or another have a connection with mental semantics and help the reader to identify the subject of the thought in the text.

Key words: *thought introducers, narrative, Italian and Russian texts, transmitted speech, free direct speech, semantics.*

Введение

Материалом для данной работы послужили около четырехсот примеров переданной речи из романов Дж. Бассани «Il giardino dei Finzi-Contini» [1*] и Л. Улицкой «Лестница Якова» [3*] и их переводов [2*; 4*]. Выбор текстов обоснован не только личными предпочтениями автора статьи, связанными с ключевыми историческими моментами Италии и России, но и стилистикой произведений, в которых через голос нарратора-персонажа транслируются мысли других персонажей. Причем в первом случае повествование ведется от лица персонажа-рассказчика (у него нет имени), во втором – от лица главной героини, Норы. Поскольку в данной работе нас интересуют сугубо функциональные особенности интродукторов мысли, а не актуальная для литературоведения проблема пересечения точек зрения в полифонически организованном художественном тексте, вслед за В. Шмидом мы будем пользоваться терминами «нарратор» и «нарратив» [1].

Актуальность данной работы заключается в ее вкладе в изучение различных форм переданной речи в полифоническом художественном повествовании, в расширении понимания взаимосвязей между структурой, содержанием и восприятием нарратива, в выявлении некоторых типологических несоответствий в итальянском и русском текстах.

Цель данной работы – выделить лексико-синтаксические элементы, указывающие читателю на субъект переданной речи в итальянском и русском языках.

В соответствии с поставленной целью необходимо выполнить следующие **задачи**:

- описать интродукторы, вводящие мысли персонажа, в конструкциях с переданной речью;
- определить их сходства и различия в лексико-семантическом и синтаксическом планах;
- выделить лексико-семантические и синтаксические особенности, влияющие на восприятие переданной речи итальянским и русским читателем;
- определить причины несоответствий интродукторов в оригинале и переводе.

Для выполнения задач будут использованы следующие **методы анализа** художественного текста: метод сплошной выборки для вычленения соответствующих примеров и их переводных эквивалентов в указанном материале; лексико-семантический метод для выявления лексических единиц, способных вво-

дить мысли персонажа; синтаксический метод – для определения позиции и причин возможного отсутствия интродукторов; сравнительно-сопоставительный – для определения сходств и различий элементов, вводящих мысли персонажа, в итальянском и русском текстах.

Любой художественный нарратив насыщен разными голосами, которые могут включаться в текст следующими синтаксическими конструкциями: прямой речью (ПР), свободной прямой речью (СПР), несобственно-прямой речью (НПР) и косвенной речью (КР). Подробнее о различии этих видов «чужой»¹ речи (ЧР) см. в [2]. В настоящей работе не представлены только примеры с СПР, так как данная конструкция не встречается в выбранном материале.

В связи с тем, что нас интересуют элементы, указывающие на появление голоса персонажа в тексте, мы не будем проводить различий между указанными видами переданной речи. Очевидно, что наиболее сложной для восприятия является НПР, поскольку она включает в себя формальные показатели и текста нарратора, и текста персонажа.

Кроме перечисленных выше синтаксических конструкций, к ЧР относится также цитация, еще один способ передачи речи, который включает в нарратив слова персонажа без всяких изменений. Как отмечает Н. Д. Арутюнова, «чужое слово органически “приживается” на новом месте, которое становится для него своим» [3, с. 51].

Как отмечалось в наших предыдущих работах, существуют разные мнения по поводу наличия/отсутствия интродукторов во всех видах ЧР [4]: в отечественной лингвистике она связана с именем М. М. Бахтина [5, с. 477], а в европейской – с именем Шарля Балли, отметившего важную, но не принципиальную особенность НПР, которая касалась бессознательного соединения вводящей и вводимой частей. Швейцарский лингвист посвятил проблеме НПР две своих работы: «Le style indirect libre en français moderne» (1912) и «Figures de pensée et formes linguistiques» (1914) (подробнее см.: [6, с. 8–14]). Следует отметить, что в итальянской лингвистике теория ЧР стала активно развиваться благодаря переводу работ М. М. Бахтина, связанных с проблемой

¹ Определение «чужой» дано в кавычках, так как в любом типе нарратива слова персонажа принадлежат автору, создателю текста.

полифоничности текста, и наиболее полное освещение получила в трудах Б. Мортары Гаравелли [7; 8] и Э. Каларезу [9], об исследованиях НПР в итальянстике 1920–1960-х гг. см. подробнее: [10].

В связи с вопросом о бессоюзии между вводящей и вводимой частями НПР следует отметить, что многочисленные примеры пограничных случаев в итальянском и в русском текстах доказывают обратное: НПР, в отличие от ПР, представляет собой зависимое в синтаксическом и в смысловом планах высказывание, предваряется интродукторами и может вводиться после изъяснительного союза.

Интродукторы в информативном отношении не автономны: их роль состоит в подготовке последующего высказывания. Причем в языках с развитой системой согласования времен от них будут зависеть изменения в составе высказывания, переданного КР и НПР. Эти изменения касаются личных, временных и пространственных дейктиков.

Что касается интродукторов мысли, то они в большинстве своем вводят НПР, интроспективную конструкцию, и, следовательно, передающую не произнесенные высказывания персонажа.

Так же как и интродукторы речи, интродукторы мысли чаще всего занимают постпозицию или интерпозицию по отношению к тексту персонажа. Это связано с особенностью эпических литературных жанров: в них читателю предоставляется возможность вернуться глазами к уже прочитанному тексту и в случае необходимости идентифицировать субъекта повествования. В драматических произведениях, как и в устной речи, интродуктивные элементы находятся в препозиции для внесения ясности в распределение субъектов повествования. Что касается НПР, порой автор, вживаясь в роль своего персонажа, и сам не может четко разграничить, где заканчиваются слова нарратора и начинаются слова персонажа, в связи с этим не может быть и речи о четкой локализации интродукторов.

Препозиция интродукторов в нарративе появляется в редких случаях использования КР или же НПР, вводимых пропозициональным предикатом с изъяснительным союзом *che* – *что*:

(1) а. Adesso pensavo che [si, se dopo tutto era qua <...> che Giampi Malnate veniva ogni notte dopo avermi lasciato sulla soglia del portone di casa <...>] [1*, p. 155].

б. Я подумал, что, [конечно, <...> к ней, сюда, приходил Джампи Малнате каждую ночь, попрощавшись со мной на пороге моего дома <...>] [2*, с. 228]².

² В рамках данной статьи будут использоваться следующие графические обозначения: квадратными скобками [] в примерах обозначается текст персонажа, угловыми скобками <...> обозначаются сокращения в примерах или переход в следующий абзац, двойные и одинарные кавычки-«лапки» – это авторские знаки в романе Л. Улицкой.

В примере (2) и в русском, и в итальянском текстах изъяснительного союза нет, но его отсутствие объясняется эллипсисом пропозиционального ментального предиката \emptyset = *она вспомнила, (что)* – *ricordò (che)*, ясным из контекста. В плане грамматики эти примеры практически ничем не отличаются от гипотаксического контекста примеров (1а) и (1б):

(2) а. Нора подумала минуту – \emptyset [бабушка всю жизнь терпеть не могла, когда соседки заходили к ней в комнату] [3*, с. 29].

б. Nora ci pensò un minuto – \emptyset [la nonna non aveva mai sopportato che le vicine le entrassero in stanza] [4*, p. 25].

И в (1), и в (2) субъект мысли соответствует лицу, обозначенному подлежащим главного предложения. В (2) читатель восстанавливает логическую цепочку, в которой отсутствует пропозициональный глагол, и относит выделенные квадратными скобками отрезки к мыслям персонажа.

В подавляющем большинстве рассмотренных нами примеров ментальные интродукторы находятся в **интерпозиции** или **постпозиции**:

(3) а. [Era stato Meldolesi – pensai – non poteva essere stato che lui (infatti non mi sbagliavo). Ma che cosa importava?] [1*, p. 28].

б. Наверное, Мельдолези, подумал я, это мог быть только он. И действительно, я не ошибался. Но какое это имело значение? [2*, с. 38].

(4) а. In fondo Perotti era un brav'uomo, pensavo [1*, p. 104].

б. В сущности, Перотти молодчина, думал я [2*, с. 149].

В некоторых случаях и в русском, и в итальянском текстах возможно видимое **отсутствие** интродуктивных элементов, выраженных ментальными предикатами:

(5) а. Rimasi di stucco \emptyset . [Dunque sapevano anche loro!] [1*, p. 28].

б. Я был сбит с толку \emptyset . [Значит, и они уже знают!] [2*, с. 37].

(6) а. Через год {Тенгиз} позвонил Норе <...>. [В конце разговора предложил \emptyset поехать с ним художником-постановщиком... Он как будто не знал, что у Норы родился ребенок. Или делал вид?] [3*, с. 14].

б. Dopo un anno {Tengis} aveva telefonato a Nora <...>. Alla fine della conversazione le aveva proposto di andare con lui in qualità di scenografia... [Quasi non sapesse che lei aveva avuto un figlio. O faceva finta?] [4*, p. 12].

В (5) эллипсис ментального глагола связан с семантикой эмотивного фразеологизма (*rimasi di stucco* – *я был сбит с толку*), предполагающего у субъекта высказывания речевую или ментальную реакцию на предыдущую контекстуальную инфор-

мацию. В (6), где все повествование пропущено через сознание главной героини, Нору, ее мысли – реакция на действия Тенгиза. Причем в русском тексте эллипсис личного местоимения, замещающего адресата высказывания (Нору), опущен, это дает бóльшие основания отнести выделенное квадратными скобками первое предложение к ее мыслям (6а), нежели тот же отрезок текста в итальянском переводе (6б), где это местоимение эксплицируется: *le aveva proposto*. В данном случае мы опираемся на наблюдения Е. В. Падучевой: «Говорящий (в нашем случае *мыслящий*. – Е. Б.) как субъект сознания обнаруживает себя в контексте слов и синтаксических конструкций, где субъект состояния подразумевается семантикой предиката, но не выражен в тексте высказывания» [11, с. 45]. Кроме этого, пояснительные элементы, как мы знаем, свойственны тексту нарратора, поэтому мы не выделяем в итальянском тексте это предложение квадратными скобками. В то же время всеведущему нарратору не свойственны эгоцентрики, указывающие на сомнения персонажа: в русском тексте (РТ) это модальная частица *как будто*, в итальянском тексте (ИТ) – сравнительный союз, требующий за собой глагола в форме конъюнктива *quasi non sapesse*. Последний вопрос *Или делал вид? – O faceva finta?*, «типичный пример жесткого (первичного) эгоцентрика» [Там же, с. 35], представляет собой парцеллят от предыдущего предложения и однозначно относится к тексту персонажа, маркируя высказывание как НПП.

Но даже если примеры с эллипсисом как речевых, так и ментальных интродукторов, непосредственно вводящих ЧР, довольно часто встречаются в оригинале и переводе романов Дж. Бассани и Л. Улицкой, то особенного внимания заслуживают примеры, в которых этот эллипсис восстанавливается в переводе на итальянский язык: «дополнительный глагол присутствует как строевой элемент», даже когда система этого не требует [12, с. 73]:

(7) а. [С Марусей Ø поправить ничего нельзя. Опоздала помириться, а теперь обмывает, одевает...] [3*, с. 24].

б. [Con Marusia invece, *pensava*, non si può più aggiustare nulla. Ha tardato a far pace con lei e ora è lì che la lava, la veste...] [4*, р. 21].

Напротив, при переводе НПП на русский язык приходится сталкиваться с утратой ментальных интродукторов:

(8) а. [Come era bello di notte il Barchetto del Duca – *pensavo* – con quanta dolcezza la luna lo illuminava!] [1*, р. 154].

б. Как красив был ночью парк, Ø как трепетно освещала его луна! [2*, с. 227].

(9) а. [E se, arrampicandomi lassù – *pensavo* <...> – mi fosse venuto un capogiro e fossi precipitato?] [1*, р. 56].

б. [А вдруг, Ø когда я залезу наверх, у меня закружится голова и я упаду?] [2*, с. 41].

Таким образом, «элементы модуса получают в итальянском тексте развернутое выражение по сравнению с русским текстом, где наблюдается тенденция к их полной или частичной редукции, что указывает на существование разных стратегий концептуализации и языкового кодирования элементов когнитивной структуры в двух языках» [12, с. 73]. И если в оригинальном тексте дистанцирование или отсутствие интродукторов можно рассматривать как своеобразный стилистический прием, включающий читателя в работу по определению принадлежности высказывания голосу персонажа или голосу нарратора, то отсутствие их в русском или восполнение в итальянском можно рассматривать как признак большей иерархичности итальянского текста. Однако в свободном косвенном дискурсе читателю необходимо указание на субъект речи или мысли, которое полностью отсутствует в произведениях, написанных в жанре потока сознания с использованием конструкции СПР.

Далее проведем анализ лексико-семантического разнообразия интродукторов мысли.

Предикаты внутреннего состояния

Ментальные предикаты-интродукторы в соответствии с двумя категориями ментальной сферы делятся на две группы: 1) предикаты знания и 2) предикаты мнения. Такая классификация ментальных глаголов, входящих в категорию предикатов внутреннего состояния, связана с тем, что знание может быть рефлекторным, а мнение нет. Кроме того, как отмечает А. А. Зализняк, знание может быть неполным, так как «источник знания – непосредственное чувственное восприятие» [13, с. 479].

Основной единицей группы предикатов мнения является глагол *думать* – *pensare*, самый частотный при вводе мыслей персонажа (примеры 1–4, 7–9), гиперонимом первой группы является типично фактивный глагол *знать* – *sapere*:

(10) а. Нора *знала*, что [он не умеет общаться с людьми на равных, всегда эта лестница – выше, ниже...] [3*, с. 28].

б. Nora *sapeva* che [lui non era capace di rapportarsi con gli altri alla pari, aveva sempre la sua scala – più in alto, più in basso...] [4*, р. 24].

Этот глагол имеет абстрактную семантику и относится к предикатам, которые выражают **устойчивое состояние**. Однако его фактивность не значит, что он вводит только суждения о фактах. Реальное лексическое значение глагола *знать* «располагается между полюсами ‘истинное знание’ и ‘мнение’» [14, с. 418] и пересекается с семантикой таких промежуточных ментальных предикатов, как *осознавать* – *rendersi*

conto, *понимать* – *capire*, *вернуть* – *credere*, *быть уверенным/убежденным* – *essere sicuro/convinto*.

(11) а. В этой отчетливости она вдруг осознала, что [все родственники делятся на две разные породы <...>] [3*, с. 32].

б. In quella nitidezza all'improvviso si rese conto che [i parenti si dividevano in due razze diverse <...>] [4*, р. 27].

(12) а. Ma fu qui che ricordai e compresi. [Perotti taceva non già perché disapprovasse <...> che Micòl mi ricevesse in camera sua, bensì perché l'opportunità che gli si offriva di manovrare l'ascensore <...> lo colmava <...>] [1*, р. 113].

б. Вот тут-то я вспомнил и все понял. [Перотти молчал не потому, что не одобрял того, что Миколь хочет принять меня в своей комнате <...>, а потому, что возможность управлять лифтом <...> давала ему чувство удовлетворения <...>] [2*, с. 162].

В примере (12) перфектные формы интродуктивного предложения *ricordai e compresi* – *вспомнил и понял* указывают на последовательную логическую связь ментальных процессов. В положительной форме глагол *ricordare* относится к глаголам устойчивых состояний. Состояние может быть истинным для данного объекта в течение какого-то промежутка времени, но оно не занимает полностью отрезок времени в общем времени существования объекта. Значит этот глагол в сочетании с ментальным или речевым способен вводить мысли персонажа:

(13) а. «Ma tu per chi stai, insomma? Per i fascisti?» ricordo che lui le chiese, un giorno, scuotendo la grossa testa sudata. [1*, р. 157].

б. – Но сама-то ты за кого? За фашистов? – {помню, как} спросил он ее однажды, качая головой [2*, с. 232].

В переводе (13а) обращает на себя внимание трансформация мыслей персонажа в его речь: утрата ментального глагола *ricordare* изменяет как статус переданного высказывания, так и замысел автора оригинала.

Глагол *credere* во вводной позиции имеет значение глагола мнения и указывает на субъект мыслей ЧР:

(14) а. [Per un platano enorme, dal tronco biancastro e bitorzolato più grosso di quello di qualsiasi altro albero del giardino e, credo, dell'intera provincia, la sua ammirazione sconfinava nella riverenza] [1*, р. 59].

б. [А огромным платаном с неровным белым стволом, самым большим из всех деревьев парка и, думаю, во всей округе, она восхищалась, доходило прямо-таки до преклонения] [2*, с. 83].

В примере (15) интродукторы представлены отрицательными формами глаголов знания, которые скорее относятся к модусу полагания. Такой сдвиг подтверждается словами А. А. Зализняк о том, что «неполнота знания связана с разного рода помехами

при восприятии, забыванием или просто отсутствием какой-то части информации» [13, с. 479]:

(15) а. Ogni qualvolta si parlava di loro come famiglia, come «istituzione» (non so chi fosse stato ad adoperare per primo questa parola: ricordo che ci era piaciuta, che ci aveva fatto ridere) [1*, р. 142].

б. Малнате говорил о них как о семье, о клане (я не помню, кто из нас двоих первым употребил это выражение, помню только, что оно нам понравилось, мы даже посмеялись) [2*, с. 207].

Интродуктор в этом примере комментирует цитацию. Этот прием чаще всего встречается в романе Дж. Бассани при передаче специфических «словечек» Миколь, но как мы видим из примера (15), также и особенностей речи других персонажей. Цитация в оригинале выделена кавычками и не присваивается говорящим или мыслящим субъектом, в то время как в переводе этого примера (15б) авторская разметка текста исчезает, и читателю уже не уловить взаимодействие разных текстов, разных личных сфер. В том, что касается интродукторов, отрицательный глагол знания *non sapere* в переводе передан глаголом *помнить*, который как бы эксплицитно модус полагания в РТ, подтверждая его связь с модусом знания.

Примеры (16) и (17) показывают, что в основе понимания лежит знание или представление, содержанием которого являются достаточно сложные факты: мыслительная работа, опирающаяся на предшествующие знания субъекта, полученные путем визуального (16) или аудиального (17) восприятия:

(16) а. Intanto fissava un punto oltre la mia spalla. [Cos'era ad attirare la sua attenzione?] Non capivo [1*, р. 80].

б. Он смотрел куда-то над моим плечом. [Что могло привлечь его внимание?] Я не понимал [2*, с. 114].

(17) а. Non credevo alle mie orecchie. [Possibile? Dove era finita tutta la mitezza di Alberto, tutta la sua sottomissione all'amico?] [1*, р. 125].

б. Я не верил своим ушам. [Неужели это возможно? Куда подевалась вся мягкость Альберто, все его преклонение перед другом?] [2*, с. 181].

Собственно глаголы мнения (полагания)

Отличие глаголов этой группы от глаголов знания состоит в том, что мнение может быть как истинным, так и ложным. В контексте свободного косвенного дискурса чаще всего вводит мысли персонажа глагол *думать* – *pensare* (примеры 1–4, 7–9).

Главное свойство ментальных предикатов – «отвлеченность от реального протекания во времени» [13, с. 36, 430], поэтому вводимое ими высказывание является своеобразной лакуной, в которой персонаж мыслит о прошлом, будущем или настоящем.

Фазовые глаголы в сочетании с ментальными указывают на процесс протекания действия внутри этих лакун, причем если в сочетании с интродуктивными глаголами речи представлены все фазы (инхотатив – континуатив – терминатив) (см.: [4, с. 22]), то в сочетании с ментальными интродукторами – только фаза продолжения:

(18) a. *Già tornavo a sognare, testardo e disperato: [alzarsi da tavola si sarebbe forse dimostrato inutile, non necessario]* [1*, p. 107].

б. [Но может быть, все-таки, продолжал я мечтать упрямо и отчаянно, может быть, вставать из-за стола и не надо будет, может быть, эта ночь продлится вечно] [2*, с. 154].

Русскому тексту не так, как итальянскому, свойственно указание на фазовость мыслительных процессов, поэтому вполне объясним эллипсис интродукторов в переводе на РЯ:

(19) a. [Quella volta là – continuavo a pensare – non aveva nemmeno sentito il bisogno di salutarmi] [1*, p. 38].

б. [В тот раз Ø он не счел даже нужным со мной поздороваться. А теперь вдруг такая любезность...] [2*, с. 49].

Интродукторами мыслей персонажей могут выступать фразеологизмы ментальной семантики:

(20) a. *Giunsi addirittura a pensare* <...>, [che avessero avuto la notizia della mia sparizione direttamente da mio padre o da mia madre <...>] [1*, p. 51].

б. Мне пришло в голову, что [они узнали о моем провале от отца или от мамы <...>] [2*, с. 37].

(21) a. [un po' alla Hitler – mi venne fatto di pensare – naso e baffetti] [1*, p. 47].

б. [он немного был похож на Гитлера, пришло мне в голову, с этими усами и с этим носом] [2*, с. 64].

(22) a. *fui assalito da un'idea repentina*. [E se fossi entrato nel parco di nascosto, scalando il muro?] [1*, p. 154].

б. Тут мне неожиданно пришла в голову мысль. [А если я проникну в парк тайком, перебравшись через стену?] [2*, с. 226].

Примечательно, что в ИТ во всех приведенных примерах присутствует личная форма глагола, прямо указывающая на субъекта мысли, а в РТ во всех 3 конструкциях персонаж выступает в роли пациенса.

Как мы уже видели ранее, «разделить предикаты внутреннего состояния на обозначающие собственно «чувства» и собственно «мысли» невозможно, так как существует достаточно большая промежуточная зона предикатов, в значение которых входят элементы как ментальных, так и эмоциональных состояний» [13, с. 432]. Поэтому обратимся к семантическим классам предикатов, которые также способны выступать в качестве интродукторов мысли. Среди них мы выделили: предикаты внутреннего временного состояния (эмотивы), глаголы восприятия (перцептивные),

глаголы речи в ментальной функции, акциональные глаголы, в которых внутреннее состояние совмещается с действием.

Предикаты внутреннего временного состояния

Внутри класса состояний различаются временные и устойчивые, но если к последним относятся уже описанные выше глаголы знания и полагания, главное свойство которых – «отвлеченность от реального протекания во времени» [13, с. 430], и их значение «несовместимо с наличием в толковании компонента “переживание”» [Там же], то предикаты внутреннего временного состояния описывают вызванные какой-то причиной и длящиеся какое-то время эмоциональные реакции. Семантический компонент «переживание» предполагает у этих глаголов возможность описания эмоционального, интеллектуального или психического напряжения:

(23) a. *Ero disorientato* {e pensai}. [Dunque sapevano anche loro!] [1*, p. 51].

б. Я был сбит с толку {и подумал}. [Значит, и они уже знают!] [2*, с. 37].

(24) a. “Умница, ведь все понимает”, – восхитилась Нора [3*, с. 18].

б. ‘Bravo che capisce tutto’, ammirò Nora [4*, p. 15].

Ментальный семантический компонент этих глаголов способствует вводу пропозиции и, следовательно, не прямой передаче речи или мысли. При интродуктивных глаголах внутреннего временного состояния прослеживается причинно-следственная связь вводящего и вводимого высказываний. В примере (25) последовательность действий следующая – она очнулась, потому что вспомнила, что забыла про Юрика:

(25) a. Она как будто очнулась – [как это она забыла про Юрика, это его молоко растекается напрасно] [2*, с. 22].

б. Fu come si rinvenisse: [quasi si era dimenticata di Jurik con il suo latte che va sprecato!] [4*, p. 19].

Поскольку этот интродуктор описывает неконтролируемое действие, вызванное определенной причиной и длящееся определенное время, он относится к группе предикатов временных состояний. В эту группу А. Зализняк включает также глаголы *смеяться, плакать, унывать* и подобные, в них внутреннее состояние совмещается с действием, с внешним проявлением чувств. Но они чаще всего вводят речь, а не мысли персонажей [13, с. 20–21].

Перцептивные глаголы

Возможность употребления перцептивных глаголов в функции интродукторов мысли предполагает наличие у них эпистемического значения или, по крайней мере, сознания. Эпистемические коннотации присутствуют, хотя и в разной степени, у всех

перцептивных предикатов. Восприятие – субъективный процесс, образующий мост между реальностью и нашим сознанием. Глаголы восприятия делятся на «активные» типа *слушать*, *смотреть* и «пассивные» типа *слышать*, *видеть*, *чувствовать* [15, с. 216].

А. «Активные» глаголы восприятия.

Одним из распространенных способов является включение ЧР в нарратив после вводящих предложений с «активным» глаголом восприятия *смотреть* – *guardare*. Семантика глаголов восприятия связана с приобретением знания. Важно, что только «активные» перцептивные глаголы указывают на добывание информации, в то время как «пассивным» глаголам функция приобретения информации не свойственна [15, с. 216].

Довольно часто при использовании «активных» глаголов в тексте нарратора встречается бессоюзное соединение вводящей и вводимой частей, поскольку отсутствует эксплицитный ментальный компонент интродуктора, вводящего мысли персонажа:

(26) а. A quelle parole <когда во время похорон пятилетнего Гуидо доктор, обратившись к дедушке Рафаэлю, вспомнил о смерти своего собственного сына> si girò stupito a guardarlo {chiedendosi}. <абзац> [E infatti, che cosa sapeva lo stesso Elia Corcos?] [1*, p. 31].

б. При этих словах <...> он обернулся и с удивлением посмотрел на врача {и подумал}. <абзац> [A на самом деле, что знал Элиа Коркос?] [2*, с. 20].

Глагол *смотреть* – *guardare* не может самостоятельно подчинять пропозицию, но включает в себя компонент внутреннего состояния, поэтому восстановление следующего за ним ментального интродуктора также естественно, однако ментальный глагол является последним звеном логической цепочки: *посмотрел* – *увидел* – *подумал*. *Смотреть* – физическая способность, *видеть* – способность физическая и умственная одновременно. Появление ЧР после глагола активного восприятия и глаголов схожей семантики возможно из-за ментального восстановления подразумеваемых последних двух звеньев логической последовательности.

Б. «Пассивные» глаголы восприятия.

Перцептивные глаголы и, прежде всего, глагол *видеть* – *vedere* принадлежат интенциональному типу, т. е. обозначают некоторое состояние сознания, направленное на объект. При восприятии объекта внешний мир проникает в сознание человека. Поскольку мнения формируются на базе знания, вполне оправдан эллипсис ментальных глаголов перед передачей ЧР, если ее интродукторами являются перцептивные глаголы с эпистемическими коннотациями:

(27) а. Горло перехватило от жалости. Нора увидела вдруг, как горько и достойно она жила. [Идеологическая бедность. Голые окна.] [3*, с. 21].

б. La gola le si strinse per la compasione. Nora vide all'improvviso l'amarezza e la dignità con cui la nonna aveva vissuto. [Povertà per ideologia. Le finestre erano senza tende.] [4*, p. 17].

В тексте может восстанавливаться логическая цепочка *посмотрел* – *увидел* – *подумал*, но в этом случае ее самый очевидный компонент утрачивается. В примерах (28) и (29) опускается ментальный глагол:

(28) а. Lo guardai attentamente. La sua faccia mi si rivelò all'improvviso smunta, emaciata, come raggrinzita da una vecchiaia precoce. Ø [Che fosse malato?] [1*, p. 125].

б. Я посмотрел на него внимательно. Его лицо неожиданно показалось мне осунувшимся, побледневшим, как будто иссушенным тайным недугом. Ø [Может быть, он болен?] [2*, с. 181].

(29) а. Нора глянула в окно. [Стекло грязное, годами не мытое.] Видно было, что серый снег за окном сменился серым дождем. [Почему же я ничего для нее не делала?] [3*, с. 25].

б. Нора guardò alla finestra. [Il vetro sporco, non lavato da anni.] Ø Fuori la neve grigia si tramutava in grigia pioggia. [Perché non ho fatto niente per lei?] [4*, p. 21].

В примере (29) в переводе утрачивается также промежуточный компонент логической цепочки, пассивный перцептивный предикат, эксплицитированный в РТ – *видно было*.

В примере (30) нет ни одного перцептивного предиката-интродуктора, однако на то, что это мысли персонажа, указывает пунктуационное авторское выделение переданной речи кавычками – двойными «лапками» в оригинале и одинарными – в переводе. Присутствующий в тексте речевой интродуктор вводит внутреннюю речь персонажа, на что помимо графических особенностей указывает еще и контекст. Нора профессиональным взглядом художника-декоратора оценивает обстановку:

(30) а. “Композиция хорошая”, – отметила Нора автоматически... [3*, с. 16].

б. ‘Bella composizione’, osservò Nora d’istinto... [4*, p. 14].

Глагол «внутреннего зрения» *воображать* – *immaginare* по значению близок глаголам зрительно-го восприятия. Отличие состоит в том, что объект этого глагола лишен референции к предмету или событию действительности, но вполне может указывать на мысли персонажа. Это подтверждается переводом, в котором эксплицитруется ментальный компонент глагола *immaginare* (в 31б – *я думаю*), и тем, что этот глагол подчиняет возвратный речевой глагол *chiedersi* – *сказать себе*, указывающий на непронесенные слова персонажа:

(31) а. [Ora, perché mandare dei poveri turisti allo sbaraglio? – immagino che si siano chiesti i compilatori

dell'ultima edizione della Guida del Touring – [e infine, per vedere che cosa?] [1*, p. 13].

б. [Ну и зачем же тогда отправлять бедных туристов на поиски?] Я думаю, что примерно это сказали себе составители очередного издания путеводителя. [Что они в конце концов увидят?] [2*, с. 15].

Приведем также пример пассивного перцептивного аудиального предиката, указывающего на внутреннюю речь персонажа, в примере (32). Так же как и в вышеприведенных примерах с глаголами зрительного восприятия, перед НПР опущен подразумеваемый ментальный интродуктор как в ИТ, так и в РТ:

(32) а. Attraverso la sottile parete divisoria udivo Micòl parlare al telefono. Ø [Con chi? Col personale di cucina, era da supporre, per avvertire che le portassero di sopra la cena] [1*, p. 118].

б. За тонкой стеной слышно было, как Миколь говорит по телефону. Ø [С кем? Со слугами на кухне, наверное, просит, чтобы ей принесли ужин] [2*, с. 169].

Глаголы речи в ментальной функции

В итальянских текстах часто встречаются речевые глаголы в функции эпистемических и вводят внутреннюю речь или мысли персонажа, поэтому переводчику следовало бы избегать буквализмов в интерпретации этих глаголов:

(33) а. [Chi era? Non certo un ferrarese!] – mi dissi subito [1*, p. 81].

б. [Кто это? Конечно, он не из Феррары!] – сказал я себе сразу [2*, с. 60].

(34) а. [E la mamma?] mi chiedevo. [Si sarebbe scordata anche lei di me, come tutti?] [1*, p. 63].

б. [А мама?] – спрашивал я себя. [Она бы тоже забыла обо мне, как все?] [2*, с. 47].

(35) а. [Io non sarei mai stato capace di fare altrettanto] – mi ripetevo ogni volta, guardandoli allontanarsi, pieno di ammirazione ma anche di ribrezzo [1*, p. 56].

б. [Я бы никогда не смог так], повторял я себе всякий раз, глядя, как они удаляются [2*, с. 41].

В примере (36) ментальный интродуктор замещается возвратным глаголом речи в сочетании с глаголом *казаться* – *parere* в перцептивном значении:

(36) а. [Che cosa c'era di comune – parevano dirsi, tutti e quattro – fra loro e la platea distratta <...>?] [1*, p. 41].

б. Казалось, они говорили: «Что может быть общего у нас и у этой толпы <...>?» [2*, с. 29].

В сочетании с обстоятельством, указывающим на орган восприятия, речевой глагол также способен вводить мысли персонажа, при этом подразумевается следующее – *я видел это по его глазам / я мог прочесть это в его взгляде*:

(37) а. [Lo sapeva bene – mi diceva con gli occhi – che le sue domande mi infastidivano <...>] [1*, p. 69].

б. Он прекрасно знал, это говорил мне его взгляд, что вопросы меня раздражают <...>] [2*, с. 50].

Речевые глаголы в интродуктивной ментальной функции, в отличие от глаголов говорения, не вводят в текст новой достоверной информации и, следовательно, не способствуют хронологическому развитию сюжета, как в случае с глаголами действия, но передают внутреннее состояние персонажа и вводят его мысли. В следующем примере (38) мысли персонажа вводятся речевым глаголом в сочетании с глаголом знания в отрицательной форме:

(38) а. [Per qual motivo mi ostinavo a ritornare ogni giorno in un luogo dove, lo sapevo, non avrei potuto raccogliere che umiliazioni e amarezza?] Non saprei dirlo esattamente [1*, p. 127].

б. [Почему я с такой настойчивостью приходил туда каждый день, хотя прекрасно знал, что меня ждут только унижения и горечь?] Я не мог этого объяснить [2*, с. 183].

Или же глагол речи вводит мысли персонажа, занимающие позицию прямого дополнения у речевого глагола, который в свою очередь подчинен акциональному глаголу в ИТ при помощи союза *come*, а в РТ – *будто*:

(39) а. Gonfiò le guance come a dire «Uffa! Finalmente!» [1*, p. 35].

б. Надула щеки, будто говоря: «Уф, наконец-то!» [2*, с. 47].

Акциональные глаголы

Способность акциональных глаголов выступать в качестве интродукторов мысли персонажа связана с тем, что в некоторых из них указание на действие совмещается с указанием на внутреннее состояние персонажа:

(40) а. «Вот воронье слетелось...» – и Нора их всех быстро, но решительно выставила [3*, с. 28].

б. «Stormo di cornacchie...» Nora le scacciò tutte, svelta e decisa [4*, p. 24].

Или же за действием следует зрительное восприятие, которое в свою очередь предполагает реакцию персонажа. В примере (41) ясные из контекста перцептивный и ментальный глагол опущены, однако интродуктор мысли представлен и в постпозиции, подтверждая таким образом, что пространственный отрезок текста, насыщенный эгоцентрическими элементами (из экономии места он опущен), относится к мыслям персонажа:

(41) а. Нора полезла в гардеробную <...>. [Господи, какая смиренная нищета <...>] – каждую тряпку Нора помнила с детства... [3*, с. 23].

б. Nora diede un'occhiata alla cabina armadio <...>. [Dio, quale umiltà <...>] – si ricordava di ogni straccio... [4*, p. 20].

Довольно часто, особенно когда рассказчик и персонаж – одно лицо, интонационное маркирование текста не оставляет сомнений в его принадлежности, однако именно глаголы, предвещающие вопросы и восклицания, позволяют читателю воспринимать их как мысли персонажа:

(42) a. Appena potevo, io, al contrario, le venivo addosso con baci e altro, come se non lo sapessi che in situazioni come la nostra non c'è niente di più antipatico e controindicato. [Santo Iddio! Possibile che non riuscissi a trattenermi?] [1*, p. 129].

б. Как только мне представлялась возможность, я приставал к ней с поцелуями, с признаниями, [как будто я не знаю, что в подобной ситуации нет ничего более противного и более «противопоказанного». Святой Боже! Неужели я не могу сдерживаться?] [2*, с. 187].

В примере (42б) за счет использования переводчиком форм настоящего времени вместо прошедшего смещаются границы НПП: воспоминания персонажа *come se non lo sapessi* сменяются его мыслями я не знаю, что, как мы понимаем, расходится с замыслом автора.

Выводы

Анализ примеров на материале итальянского и русского романов и их переводов позволил сделать выводы о том, что на восприятие художественного текста, на выделение из него субъекта повествования существенное влияние оказывают ментальные интродукторы ЧР. При этом важно обращать внимание не только на их локализацию и лексико-семантическое наполнение, но и на пунктуационное оформление.

В том, что касается графического и пространственного маркирования ЧР, потенциал воздействия интродукторов в итальянском и русском текстах практически одинаков, за исключением случаев, когда вводящие НПП элементы, выделенные тире в оригинале романа Дж. Бассани, превращаются во вставные конструкции, выделенные запятыми в переводе. Таким образом интродуктивная функция вводящих глаголов превращается в функцию комментирующую, а отрезок текста, принадлежащий персонажу, зачастую становится текстом нарратора, утрачивая свою экспрессивность и нарушая замысел автора.

В том, что касается лексико-семантического оформления ментальных интродукторов, анализ примеров показал следующее: вводить мысли персонажа в итальянском и в русском текстах могут не только ментальные предикаты, основным из которых является глагол *думать* – *pensare*, но и предикаты внутреннего состояния (прежде всего временного состояния), перцептивные глаголы, глаголы речи и даже акциональные глаголы. Появление мыслей персонажа после этих глаголов обусловлено следующим:

1) содержанием в них ментального компонента (например, в возвратных речевых глаголах: *сказать себе* = *подумать*);

2) содержанием в составе интродуктора предикативных ментальных компонентов (модальных глаголов, эпистемических глаголов в отрицательной форме, обстоятельств, указывающих на орган восприятия);

3) возможностью восстановить логическую цепочку, последним звеном которой будет ментальный глагол (*сделать/посмотреть* – *увидеть* – *подумать*).

Сравнительно-сопоставительный анализ языка оригинала и перевода показал, что в РТ чаще, чем в итальянском, исчезают контактные интродукторы и элементы модуса получают более развернутое выражение в ИТ. Однако такие примеры единичны, и говорить о большей иерархичности итальянского текста по сравнению с русским было бы несправедливо: в подавляющем большинстве случаев переводчик следует за текстом оригинала, не утрачивая и не восполняя ментальные глаголы. Даже в случаях с возвратными речевыми глаголами в ментальной функции переводчик на русский язык отказывается от вполне законного в этом случае межъязыкового перефразирования.

Проведенное исследование также показывает, что полное отсутствие вводящих элементов исключено: даже если в некоторых случаях и нет вводной клаузы, то в тексте содержатся дистанцированные предикативные элементы, указывающие на субъект повествования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шмид В. Нарратология. М. : Языки славянских культур, 2008. 303 с.
2. Борисова Е. С. Формальные способы устранения голоса нарратора в итальянской художественной прозе // Вестник Моск. город. пед. ун-та. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2016. № 1. С. 54–60.
3. Арутюнова Н. Д. Диалогическая цитация (К проблеме чужой речи) // Вопросы языкознания. 1986. № 1. С. 50–64.
4. Борисова Е. С. Речевые интродукторы в романе Джорджо Бассани «Il giardino dei Finzi-Contini» и его переводе на русский язык // Вестник Моск. гос. лингв. ун-та. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 12 (893). С. 16–25. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=75997213>
5. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1986.
6. Cimaglia R. Il discorso indiretto libero nella narrativa italiana da Manzoni a Pirandello // Tesi del dottorato di ricerca, Roma 3. Roma, 2008. 150 p.
7. Calaresu E. Testuali parole. La dimensione pragmatica e testuale del discorso riportato. Milano : FrancoAngeli, 2004. 224 p.

8. Mortara Garavelli B. La parola d'altri. Prospettive di analisi del discorso. Palermo, 1985. 165 p.

9. Mortara Garavelli B. Il discorso riportato // Grande grammatica di consultazione a cura di Cardinaletti A., Renzi L., Giampaolo S. Bologna: Il Mulino, 2001 [1995]. Vol. III. P. 429–470.

10. Борисова Е. С. Исследование несобственно-прямой речи в итальянистике в 1920–1960-е гг. // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2010. № 2 (75). С. 232–241.

11. Падучева Е. В. Эгоцентрические единицы языка. М.: ЯСК, 2019. 439 с.

12. Говорухо Р. А. Глаголы мысли в итальянском и русском текстах (пропозициональный аспект) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2019. № 6. С. 73–90.

13. Зализняк А. А. Многозначность в языке и способы ее представления М.: Языки славянских культур, 2006. 671 с.

14. Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Избр. труды. М.: Языки русской культуры, 1995. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. С. 629–650.

15. Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса. М.: Языки славянских культур, 2006. 510 с.

ИСТОЧНИКИ

1*. Bassani G. Il giardino dei Finzi-Contini. Torino: Einaudi, 1999. URL: https://genovaquotidiana.com/wp-content/uploads/2018/06/Giorgio_Bassani_Il_Giardino_Dei_Finzi_Contini.pdf

2*. Бассани Дж. Сад Финци-Контини / пер. И. А. Соболевой. М.: Текст, 2008. 315 с.

3*. Улицкая Л. Лестница Якова. М.: АСТ, 2024. 731 с.

4*. Ulitskaya L. Il sogno di Jakov. Trad. di Margherita De Michiel. Milano: La nave di Teseo, 2018. 605 p.

REFERENCES

1. Schmid W. Narratologiya [Narratology]. M.: YAzyki slavyanskikh kul'tur, 2008. 303 p.

2. Borisova E. C. Formal'nye sposoby ustraneniya golosa narratora v ital'yanskoj hudozhestvennoj proze [Formal ways of eliminating the narrator's voice in Italian artistic prose]. In: *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Filologiya. Teoriya yazyka. YAzykovo obrazovanie»*. 2016. No. 1. Pp. 54–60.

3. Arutyunova N. D. Dialogicheskaya citaciya (K probleme chuzhoj rechi) [Dialogical quotation (The problem of other people's speech)]. In: *Voprosy yazykoznaniya*. 1986. No. 1. Pp. 50–64.

4. Borisova E. C. Rechevye introduktory v romane Dzhordzho Bassani «Il giardino dei Finzi-Contini» i ego perevode na russkij yazyk [Speech introducers in Giorgio Bassani's novel «Il giardino dei Finzi-Contini» and its translation into Russian]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarst-*

vennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2024. Vyp. 12 (893). Pp. 16–25. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=75997213>

5. Bakhtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva. [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Art, 1986.

6. Cimaglia R. Il discorso indiretto libero nella narrativa italiana da Manzoni a Pirandello. In: *Tesi del dottorato di ricerca, Roma 3*. Roma, 2008. 150 p.

7. Calaresu E. Testuali parole. La dimensione pragmatica e testuale del discorso riportato. Milano: FrancoAngeli, 2004. 224 p.

8. Mortara Garavelli B. La parola d'altri. Prospettive di analisi del discorso. Palermo, 1985. 165 p.

9. Mortara Garavelli B. Il discorso riportato [Il discorso riportato]. In: *Grande grammatica di consultazione a cura di Cardinaletti A., Renzi L., Giampaolo S*. Bologna: Il Mulino, 2001 [1995]. Vol. III. Pp. 429–470.

10. Borisova E. S. Issledovanie nesobstvenno-priamoj rechi v ital'yanistike v 1920–1960-e gg. [The study of indirect speech in Italian studies in 1920–1960s]. In: *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 2010. No. 2 (75). Pp. 232–241.

11. Paducheva E. V. Egocentricheskie ediniцы yazyka [Egocentric units of language]. M.: YASK, 2019. 439 p.

12. Govorukho R. A. Glagoly mysli v ital'yanskom i russkom tekstah (propozitsional'nyj aspekt) [Verbs of thought in Italian and Russian texts (propositional aspect)]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*. 2019. No. 6. Pp. 73–90.

13. Zaliznyak A. A. Mnogoznachnost' v yazyke i sposoby ee predstavleniya [Multivalence in language and ways of its representation]. M.: YAzyki slavyanskikh kul'tur, 2006. 671 p.

14. Apre'syan Yu. D. Dejksis v leksike i grammatike i naivnaya model' mira [Deixis in lexicon and grammar and naive model of the world]. In: *Izbr. trudy*. M.: YAzyki russkoj kul'tury, 1995. T. II: Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya. Pp. 629–650.

15. Mustajoki A. Teoriya funkcional'nogo sintaksisa [Theory of Functional Syntax]. M.: YAzyki slavyanskikh kul'tur, 2006. 510 p.

SOURCES

1*. Bassani G. Il giardino dei Finzi-Contini. Torino: Einaudi, 1999. Available at: https://genovaquotidiana.com/wp-content/uploads/2018/06/Giorgio_Bassani_Il_Giardino_Dei_Finzi_Contini.pdf

2*. Bassani Dzh. Sad Finci-Kontini. Per. I. A. Soblevoj. M.: Tekst, 2008. 315 c.

3*. Ulickaya L. Lestnica Yakova. M.: AST, 2024. 731 p.

4*. Ulitskaya L. Il sogno di Jakov. Trad. di Margherita De Michiel. Milano: La nave di Teseo, 2018. 605 p.

Московский государственный лингвистический университет

Борисова Е. С., кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой итальянского языка переводческого факультета

E-mail: borisova.es@linguanet.ru

Поступила в редакцию 25 января 2025 г.

Принята к публикации 26 марта 2025 г.

Для цитирования:

Борисова Е. С. Интродукторы мысли в конструкциях переданной речи в итальянском и русском нарративе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. № 2. С. 57–67. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2025/2/57-67>

Moscow State Linguistic University

Borisova E. S., Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Italian Language Department, Faculty of Translation and Interpreting

E-mail: borisova.es@linguanet.ru

Received: 25 January 2025

Accepted: 26 March 2025

For citation:

Borisova E. S. Thought introducers in the constructions of transmitted speech in the Italian and Russian narratives. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2025. No. 2. Pp. 57–67. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2025/2/57-67>